

ТИПОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИЙ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

.....

Э.Э. Шульц¹

Типологизация революций является важной проблемой с точки зрения дальнейшего развития теории революции, выявления их общих черт и закономерностей. В статье рассматриваются подходы и методы классификации такого социального и политического феномена как революция с точки зрения выявления типов революций, начиная с первых таких попыток в середине XIX в. и до сегодняшнего дня. Подробно разбираются концепции К. Маркса и их развитие в марксизме XX в., идеи типов революций первой трети XX в. у Р. Михельса и Д. Питти, подходы социальных исследователей второй половины XX в. - Ш. Эйзенштадта, С. Хантингтона, Т. Скокпол, Д. Голдстоуна. Несмотря на многочисленные попытки создать стройную систему критериев типологизации, все существующие системы типов революций вызывают множество вопросов и критических замечаний. Среди основных проблем – отсутствие единого классифицирующего определителя, расплывчатость разграничений между выделяемыми типами, игнорирование некоторых особенностей тех или иных революций. Автор делает анализ современного состояния проблемы типологизации революций, в том числе, через призму современных явлений т.н. «бархатных» и «цветных революций», для объяснения которых часто используются концепции демократизации и её волн, демократического транзита. Он приходит к выводу, что последние не имеют некоторых существенных признаков революционных изменений, в частности, не приводят к коренной социально-политической трансформации. Это доказывает, что отсутствие четкой трактовки понятия «революция» приводит к размыванию границ явления.

Ключевые слова: революция, теория революции, классификация революций, типология революций.

Одна из главных проблем в изучении революций — их типологизация. Эта проблема возникла в связи с теорией революции, так как без классификации все революции остаются набором прошедших революций, не имеющих общих черт и закономерностей, и соответственно не могут быть подвержены системному изучению как явление. Именно поэтому теоретическое изучение революций как особого феномена с самых первых шагов было связано с попытками классификации и определения типов.

---

¹ Шульц Эдуард Эдуардович – кандидат исторических наук, докторант кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Эл. почта: nuap1@yandex.ru.

События Нидерландской (XVI в.), Английской (XVII в.), Великой французской революций и европейских революций 1848-1849 гг. дали обильный материал для первых обобщений и зарождения теории революции. Первые указания на различные типы революций встречаются в середине XIX в. Их автор, немецкий социальный философ Карл Маркс, различал три типа революции: буржуазную, уничтожившую феодальный строй в Англии и Франции; пролетарскую (она же социалистическая или коммунистическая революция), которая установит диктатуру пролетариата и отменит эксплуатацию; некий промежуточный вариант — революции в капиталистических странах Европы, где главным движущим классом был пролетариат все еще в союзе с буржуазией и не решавший задачи по установлению диктатуры пролетариата. В дальнейшем третий тип революций получил наименование буржуазно-демократических. Примером таких революций стали революции 1848-1849 гг. в Европе.

Свою типологию революций Маркс строит на определении класса, чьи интересы реализуются в ходе данной революции. «В 1648 году, — писал Маркс, — буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, против феодального дворянства и против господствующей церкви. В 1789 году буржуазия в союзе с народом боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви». «В обеих революциях буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения. Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитых классов или частей класса» [Маркс, 1957, с. 114].

Нидерландская революция не очень вписывалась в концепцию революций Маркса, поэтому она обойдена его вниманием: Маркс в основном рассуждает на основании английской и французской революций, а события 1566-1609 гг. в Нидерландах называет не революцией, а восстанием нидерландцев против Испании [Маркс, 1957, с. 114]. Нидерландская революция носила национально-освободительный характер, а Маркса интересовала в революциях борьба классов и смена способов производства.

Существенные различия, которые Маркс находил в буржуазных революциях Нидерландов, Англии и Франции списывались им на временную разницу и незрелость первых двух. «Революция 1648 года представляла собой революцию семнадцатого века по отношению к шестнадцатому, революция 1789 года — победу восемнадцатого века над семнадцатым. Эти революции выражали в гораздо большей степени потребности всего тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т. е. Англии и Франции» [Маркс, 1957, с. 115]. «Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 года, а революция 1648 года — только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций

ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию» [Маркс, 1957, с. 114].

Примером пролетарской революции Маркс называл Парижскую коммуну 1871 г. [Маркс, 1960, с. 339]. Революции 1848-1849 гг. в Европе, которые стали именоваться буржуазно-демократическими, сам Маркс считал революциями, которые развивались по нисходящей, в отличие от предшествующих революций, которые шли по восходящей линии [Революции 1848-1849 гг., 1952, с. 436, 443, 447-449]. Более того, ряд из этих революций, в частности в Германии, Маркс называл анахронизмом, «отголоском европейской революции в отсталой стране» [Маркс, 1957, с. 114].

Марксизм XX в. признает буржуазную, буржуазно-демократическую, народно-демократическую, социалистическую (пролетарскую, коммунистическую) и национально-освободительную революции.

Буржуазная революция направлена на свержение феодального строя, социалистическая (пролетарская) — на ликвидацию капитализма и построение коммунистического общества [Большая советская энциклопедия, 1955, с. 320; Большая советская энциклопедия, 1957, с. 174; Философская энциклопедия, 1960, с. 202; Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 66, 632].

Революции 1848-1849 гг. в Европе, как и Парижская коммуна 1871 г., вносили методологический хаос, так как, во-первых, произошли уже в капиталистических странах, т.е., не могли быть буржуазными, во-вторых, точно не были пролетарскими, а Парижская коммуна вызывала вопросы по этому поводу.

В.И. Ленин в 1917 г. в работе «Государство и революция» попытался модифицировать схему Маркса, добавив слово «народная» к буржуазной революции. По утверждению Ленина, Маркс учитывал фактическое соотношение классов в большинстве континентальных государств Европы в 1871 г., на которые он и ориентировался: «В Европе 1871 года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ»» [Ленин, 1969, с. 39]. То есть от буржуазных революций их отличает классовый состав: союз беднейших крестьян с пролетариями [Ленин, 1969, с. 40]. Исходя из некоторых замечаний Ленина, к такому типу революций можно отнести и Парижскую коммуну [Ленин, 1969, с. 40], и русскую революцию 1905-1907 гг. [Ленин, 1969, с. 39].

В дальнейшем в марксистской классификации эти революции получили название буржуазно-демократических и приводились со ссылками на ленинские цитаты.

«Буржуазные революции, прошедшие в ряде стран Западной Европы в 1848 г., показали, что основной особенностью их, в отличие от ранних буржу-

азных революций, было то, что они проходили в период, когда рабочий класс выступил на политическую арену, выдвинув свои требования, имея уже первые зачатки самостоятельной классовой организации. Хотя пролетариат и был еще слаб, но буржуазия уже боялась его и поэтому не решилась смело, с оружием в руках покончить с феодальной реакцией» [Большая советская энциклопедия, 1955, с. 320].

Определение этих революций приобрело следующий вид: буржуазно-демократическая революция — это «такая буржуазная революция, в которой выступает со своими экономическими и политическими требованиями громадное большинство народа — рабочие и крестьяне, задавленные гнетом и эксплуатацией» [Большая советская энциклопедия, 1955, с. 320]. До 1917 г. к таковым относили только неуспешные революции (или революции по нисходящей), после 1917 г. в их разряд попала и единственная успешная революция — Февральская революция 1917 г. в России. Буржуазно-демократические революции стали основными для периода империализма там, где не произошли либо не победили социалистические революции или необходимо было найти связующую нить с социалистической революцией при отсутствии буржуазной. Для этого типа революций в эпоху империализма были характерны: участие в революции основных масс народа — рабочих и крестьян, наличие революционного пролетариата, и мощного аграрно-крестьянского движения [Большая советская энциклопедия, 1955, с. 320; Философская энциклопедия, 1960, с. 203; Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 67].

Народно-демократическая революция — это результат компромисса типологизации революций, нацеленный преимущественно на классификацию революций, которые произошли в странах Восточной Европы и странах третьего мира в XX в. и никак не подпадали под существующую систему. Этот тип революций приобрел буржуазно-демократический и социалистический характер: «*Новой формой буржуазно-демократической революции явились народно-демократические революции в Китае и в некоторых европейских странах народной демократии*» [Философская энциклопедия, 1960, с. 203]. Народно-демократические — это революции, «*руководимые пролетариатом, основанные на союзе рабочих и крестьян, доводящие решение общедемократических задач до конца и тем самым открывающие путь к социализму*» [Большая советская энциклопедия, 1955, с. 186].

Национально-освободительная революция вырастает из национально-освободительного движения и направлена на уничтожение иностранного господства, завоевание национальной независимости, ликвидацию национально-колониального гнёта [Философская энциклопедия, 1967, с. 9; Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 415]. В связи с тем что данный тип революций не имеет отношения к классифицирующему фактору — смене способа производства и формации, революцию XVI в. в Нидерландах, имеющую признаки на-

ционально-освободительных революций, отнесли к буржуазным, а национально-освободительную борьбу колониальных народов XX в. — к типу буржуазно-демократических движений [Философская энциклопедия, 1960, с. 203].

Подводя итог типологизации революций у Маркса и его последователей, отметим отсутствие единого классифицирующего признака, из-за чего система не только теряет стройность, но и лишается всякого смысла. Если революции призваны изменять способ производства (или формации), то возникает вопрос об отсутствии революций, менявших первобытно-общинный строй на рабовладельческий и рабовладельческий на феодальный. Этот вопрос вся марксистская литература старается обходить, подменяя революционный переход иными понятиями: *«История знает восстания рабов против рабовладельцев, восстания крепостных крестьян против помещиков, антифеодальные буржуазные и буржуазно-демократические революции эпохи поднимающегося капитализма и эпохи империализма, пролетарские социалистические революции. Кроме того, известны народно-демократические революции, руководимые пролетариатом, основанные на союзе рабочих и крестьян, доводящие решение общедемократических задач до конца и тем самым открывающие путь к социализму»* [Большая советская энциклопедия, 1955, с. 186].

Второй вопрос — это пролетарские революции, которых, если брать за определение позицию Маркса, не было в истории человечества. По утверждению Маркса, пролетарские революции происходят, когда пролетариат становится самым массовым классом: пролетарская революция, «возможна только там, где вместе с капиталистическим производством промышленный пролетариат занимает, по меньшей мере, значительное место в народной массе» [Маркс, 1961, с. 612]. Социалистических и коммунистических революций, если исходить из построения социализма (или коммунизма) по Марксу, тоже не случилось, иначе необходимо пересмотреть определение социалистической (пролетарской, коммунистической) революции.

Если буржуазно-демократические революции — довольно частое явление в Европе, то, возможно, в этом есть закономерность, у них свои цели и задачи (например, задачи, не решенные предыдущей революцией), и некорректно считать их атавизмом и революциями по нисходящей только потому, что они «не доросли» до социалистической революции, или видеть в них исключительно ступеньку к перерастанию в социалистическую революцию.

Вторая половина XX в. ознаменовалась попытками вернуть жизнь марксизму и модернизировать учение. Для нас представляет интерес такая модернизация в вопросе типологии революций, проделанная в 1980-х гг. советскими историками М. А. Баргом и Е. Б. Черняк. С точки зрения авторов новой концепции, существовали «классические буржуазные революции», которые решали «мировые задачи» данного века, и национальные революции — «специфические проявления тех же потребностей, однако в деформированной локаль-

ми условиями форме» [Барг, Черняк, 1990, с. 221]. «Великие революции определяют преимущественно развитие капитализма вглубь, другие, одновременные с ними — вширь. Первые определяют поступательное движение формации как целого, вторые, и это особенно ярко проявляется в синхронных циклах революций, ее развертывание в пространстве, возникновение и функционирование ее региональных разновидностей» [Барг, Черняк, 1990, с. 222].

Межформационные революции авторы называют еще и базисными, так как в их ходе «осуществлялись ломка феодальных отношений, как это имело место в Англии XVII в. и во Франции в конце XVIII в., первые попытки приведения политической надстройки в соответствие с базисом» [Барг, Черняк, 1990, с. 227]. Внутриформационным революциям присваивается статус надстроечных, так как в их результате «осуществлялось полное или неполное приведение надстройки в соответствие с базисом» [Барг, Черняк, 1990, с. 227]. Далее авторы вводят критерий стадийности и усложняют классификацию видами и подвидами:

- 1) межформационные и внутриформационные;
- 2) межформационные, межстадийные и внутривстадийные;
- 3) межстадийные и внутривстадийные [Барг, Черняк, 1990, с. 231].

В общем виде, без детализации всех подпунктов, авторы делят буржуазные революции XVI-XIX вв., исходя из их объективных задач и результатов, на: «1) межформационные (переход от феодальной формации к капиталистической); 2) внутриформационные межстадийные (переход от стадии к стадии или «перепрыгивание» через стадию); 3) внутриформационные внутривстадийные» [Барг, Черняк, 1990, с. 224].

Весь этот набор межформационных, внутриформационных и межстадийных революций с множеством подвигов и смешанных типов ведет к очень сложным конструкциям и, главное, не облегчает понимание ни феномена революций, ни их разновидностей. При этом многие вопросы, которые возникают к типологизации Маркса и его последователей, так и остаются без ответа. Эта попытка дать новый импульс марксистскому подходу к революциям говорит о том, что данная типологизация обладает определенной жизнестойкостью, но не удовлетворяет ученых в существующем виде, демонстрирует сложность и актуальность вопросов типологии революций и на современном этапе.

Типологизация революций развивалась и вне марксизма.

Немецкий социолог Роберт Михельс в 1930-е гг. поделил революции на революционные и реакционные. «Первый тип — это французские революции 1789, 1830 и 1848 гг., Парижская коммуна, немецкая и австрийская революции 1918 г. и многие другие; второй тип — это путч булочников во Франции в 1889 г., нынешнее движение в Германии, связываемое с именами Каппа и Гитлера, удавшаяся в Италии в 1923 г. фашистская революция (сами фашисты называют

ее революцией)» [Михельс, 2000, с. 108]. С точки зрения целей и задач этих революций в революции первого типа, по Михельсу, революционеры «стремятся добиваться своими действиями совокупности целей, которые исторически еще не достигались нигде в мире, или, по крайней мере, в их стране, тогда как контрреволюционные «революционеры» стараются внешне аналогичным образом вновь реализовать цели, уже достигнутые в прошлом» [Михельс, 2000, с. 108]. Между тем Михельс делает оговорку, что первый тип вовсе не характеризуется одними надеждами на новые порядки, что при нем происходит восхождение образов свободы из прошлого (представлений о свободе из античности, воспоминаний о гражданских правах в средневековых коммунах и т.д.), а для второго типа не свойственно полное восстановление старых порядков, и он скорее знаменует собой компромисс, при котором в той или иной форме извлекаются уроки из истории падения старого режима [Михельс, 2000, с. 109].

Подобная классификация не получила ни поддержки, ни последователей и, наверное, в первую очередь потому, что второй тип революций, по Михельсу, революциями не является, а в первый попадают все революции, случившиеся на тот момент, т.е. деления и типологизации как таковой не происходит.

Один из первых исследователей теории революции Джордж Петти предложил выделять пять типов революций.

1. «Private palace revolution» — имеется в виду переворот, который осуществляет небольшое количество людей.

2. «Public palace revolution» — в него вовлечено чуть больше людей, возможны движения войск и т.п. «Народ знает, что что-то происходит, но почти не принимает в этом участия».

3. Восстание территории против правительства, установленного другим государством (свержение чужеродного правительства, например Нидерландская революция, польские революции). «Это движение поднимается из широкомасштабного социального фактора, вовлекается в широкомасштабные военные действия, имеет сильную поддержку народа».

4. Великие национальные революции. Классический пример — Французская и русская революции. («Правящий класс отделен от ранее пассивного населения привилегиями власти, собственности и культуры, остается изолированным, разлагается в лидерских способностях, в функционировании и мотивации к мерам, которые необходимы для роста общества. Здесь мы получаем массовый феномен: люди отказываются от своего правительства и правящего класса».)

5. Системная революция (адресуется к Древнему миру и Реформации). «Имеет отношение не к внутренним социальным и политическим системам, а к большим чем одно единственное государство территориям» [Pettee, 1966, p. 15-17].

Отметим, что первый, второй и пятый типы согласно всем определениям не относятся к революциям, третий и четвертый представляют собой тип того, что принято называть классической и национально-освободительной революцией.

Израильский социолог Шмуэль Эйзенштадт делит революции на современные (Нидерландская, Английская, Американская и Французская), которыми сопровождалась модернизация феодального Запада, и поздние современные XIX-XX вв., которыми сопровождается модернизация традиционных обществ иных типов. Современные революции — революции Нового времени — стали моделями и символами изменений и сформировали образ «чистой революции». Вероятность того, что в поздних современных или индустриальных обществах возникнет такое сочетание движений протеста с глубокими структурными изменениями, которое соответствует образу чистой революции, ничтожно мала. «По более распространенной тенденции — поздние индустриальные и особенно капиталистические общества следуют образцу трансформации, который расходится с революционным образом». Эйзенштадт особое внимание уделял модернизационным процессам в революции, утверждая, что темпы и результаты модернизации различны в разных странах и революциях и каждое общество модернизируется в соответствии со своей культурной сущностью [Эйзенштадт, 1999, с. 15, 31, 52-53, 57, 83, 223, 262, 374].

Английский историк Эрик Хобсбаум фактически поддерживает типологию Эйзенштадта, так как считает, что «должна быть фундаментальная разница между революциями эры буржуазного либерализма (и более ранних) и революциями двадцатого столетия» [Hobsbawm, 1986, p. 26]. Во-первых, они имеют разную экономическую основу, во-вторых, революции XX в. низводят до незначительного положения или отрицают законную политическую структуру, устанавливаемую конституцией, на что буржуазные революции делали упор [Hobsbawm, 1986, p. 28, 31]. Кроме того, Хобсбаум отдельно выделяет революции в изживших себя империях, которые были обречены на вымирание [Хобсбаум, 1999, с. 402-434]. В первую очередь речь идет о революциях начала XX в. в Китае, Османской империи и России [Хобсбаум, 1999, с. 404]. Автор различает революции в империях европейских и неевропейских [Хобсбаум, 1999, с. 406].

Здесь возникают вопросы, связанные с выводами Хобсбаума. Во-первых, заявление о стремлении ранних революций к конституции и законной политической структуре должно делаться с множеством оговорок. Например, конституция, написанная революцией 1789 г., так и не вступила в силу, а режимы Кромвеля, якобинцев и Наполеона были не более ограничены (если не менее), чем свергнутых монархов. Более того, «законная политическая структура» существовала после революций во всех социалистических странах Восточной Европы и СССР, причем представляла в определенное время наиболее демократический вариант государственного устройства (по крайней мере, на бу-

маге). Что касается высказанной английским историком идеи объединения по принципу отживших империй, то из этого логического ряда для конца XIX — начала XX в. (которые разбирает автор) выпадают, как минимум, революции в Мексике, германская 1918 г. и 1919 г. и венгерская 1919 г.

Эта типологизация приобрела множество последователей, разделявших революции на классические и иные, или революции в развитых странах и революции в отсталых странах [Laue, 1964, p. 16; Tucker, 1969, p. 137-138]. Производная от этого подхода — деление на 1) революции Запада и Востока [Huntington, 1968, p. 266-273], 2) революции третьего мира и все остальные [Forn, 2005, p. 1, 18-24].

В сводном труде «Революция» (1967 г.) К. Фридрих революции XVII-XIX вв. характеризует как направленные на установление конституционных режимов, а революции XX в. — как большей частью нацеленные на смену политической системы. Кроме того, по мнению К. Фридриха, конституционные революции — это «ограниченные революции» и «таковы революции после Второй мировой войны и революции в колониальном мире» [Friedrich, 1966, p. 7].

Большая группа американских политологов и социологов во главе с признанными авторитетами в области теории революции Джеком Голдстоуном и Тэдом Гарром призывают видеть в революциях «позднего 20 века» иные формы конфликта, поясняя, что эти революции не «классические» по модели (шаблону) французской, русской и китайской революций, это альтернативная модель [Revolutions of the Late Twentieth Century, 1991, p. 3].

Для всех авторов, придерживающихся такого деления, революции в слабо-развитых странах становятся средством преодоления отсталости и выступают в качестве модернизационного инструмента [Хантингтон, 2004, с. 271-278; Forn, 2005, p. 18-24; Laue, 1964, p. 16; Tucker, 1969, p. 137-138].

Американский политолог Сэмюэл Хантингтон полемизирует со сторонниками типологизации по принципу деления на великие, или социальные и экономические, революции и потрясения более ограниченного масштаба, которые характеризуются как чисто политические. Наиболее значительные результаты великих революций, уверен автор, в любом случае лежат «в пределах политической сферы либо прямо с ней связаны». «Полномасштабная революция, — пишет Хантингтон, — предполагает разрушение старых политических институтов и форм легитимности, мобилизацию новых групп в политику, переопределение политического сообщества, принятие новых политических ценностей и новых понятий о политической легитимности, завоевание власти новой, более динамичной элитой и создание более сильных политических институтов [Хантингтон, 2004, с. 310].

Сам Хантингтон проводит типологизацию на основании последовательности и соотношения трех составляющих (этапов) любой революции: 1) насильственное разрушение существующих политических институтов; 2) моби-

лизация новых групп в политику; 3) создание новых политических институтов [Хантингтон, 2004, с. 271].

В западной модели сначала терпят крушение политические институты старого режима; за этим следуют мобилизация новых групп в политику и затем создание новых политических институтов. Восточная революция, напротив, начинается с мобилизации новых групп в политику и создания новых политических институтов и заканчивается насильственным низвержением политических институтов старого строя. Французская, русская, мексиканская и китайская (на своих первых этапах) революции приближались к западной модели; позднейшие фазы китайской революции, вьетнамская революция и другие случаи колониальной борьбы против империалистических держав следовали восточной модели. В целом последовательность фаз более четко выражена в западной революции, чем в революции восточного типа. В последней все три фазы обычно осуществляются более или менее одновременно. Существует, однако, одно фундаментальное различие в последовательности фаз между двумя типами революций. В западной революции политическая мобилизация есть следствие крушения старого режима; в восточной революции она служит причиной его крушения [Хантингтон, 2004, с. 271].

По Хантингтону, вторая отличительная черта — радикальность противостоящих сторон и их смена.

В западной революции основная борьба обычно происходит между умеренными и радикалами; в восточной революции она происходит между революционерами и правительством. В западной революции умеренные находятся у власти недолгое время — между падением старого режима, расширением границ политической активности и приходом к власти радикалов. В революции восточного типа умеренные много слабее; они вообще не занимают властных позиций и по мере того, как развивается революция, становятся жертвами либо правительства, либо революционеров, либо же вынуждаются процессом поляризации присоединиться к той или другой стороне [Хантингтон, 2004, с. 278].

Третья отличительная черта — это «столичность» западной революции («революционеры устремляются из столицы в сельскую местность, чтобы поставить ее под свой контроль») и сельский характер восточной революции (революционеры «из отдаленных сельских районов пробиваются в центр и, в конце концов, овладевают столицей») [Хантингтон, 2004, с. 276-277].

Здесь снова речь идет о революциях до начала XX в., так называемых классических, и революциях XX в. в странах третьего мира, за тем исключением, что термин «восточная революция» — некорректное название, так как по этому сценарию развивались революции и в Латинской Америке.

Для демонстрации промежуточных подходов, которые страдают еще большими методологическими прорехами, приведем пример классификации од-

ного из самых цитируемых исследователей теории революции Тэды Скокпол (Скочпол, Скоцпол в русских переводах и транслитерациях). Автор по внешним признакам объединяет в одну группу великие французскую, русскую и китайскую революции. Все три революции, с точки зрения Т. Скокпол, произошли в богатых аграрных странах, которые отличали: 1) слабость системы управления старого режима; 2) распространение протестных акций среди низших классов; 3) попытки политических лидеров посредством массовой мобилизации установить революционную власть. Во всех трех странах внутренние структурные противоречия дополнялись кризисом в международных отношениях, а в результате революций были созданы централизованные бюрократические государства, получившие возможность стать супердержавами. Политическая напряженность в этих странах происходила не из разногласий торговых и промышленных элит с классом землевладельцев, а «из противоречий между производящим классом, доминирующим классом и государством, с одной стороны, и между классом землевладельцев и государством, с другой стороны» [Skocpol, 1979, p. 41, 47-48; Грязнова, 2007, с. 27-28, 34].

Кроме замечания о возможности стать супердержавами, все остальные характеристики присущи если не всем, то большинству революций. «Возможность стать супердержавами» — очень расплывчатый определитель и относится более к ретроспективному взгляду исследователя. Возникают также вопросы, касающиеся исторической трактовки. Во-первых, почему не отнести эту же «возможность» к английской и нидерландской революциям? Во-вторых, Франция относилась к категории сверхдержав и в эпоху Людовика XIV. В-третьих, Россия значилась сверхдержавой на момент начала Первой мировой войны и точно не считалась таковой после революции и Гражданской войны. В-четвертых, Россия и Китай не стали сверхдержавами после революции, для этого им понадобилось несколько десятилетий. Вопрос о противоречиях и разногласиях элит и классов в представлении Скокпол выглядит еще более спорным. Первый вопрос: кого называть основным производящим классом? Если по объему населения, то основной производящий класс до всех революций — крестьянство, и это имеет отношение не только к Франции, России и Китаю. Если имеется в виду пролетариат (или «протопротариат»), то он не был доминирующим классом почти ни в одной революции, возможно, за исключением германских революций 1918-1919 гг. и революций конца XX в. в Восточной Европе. Второй вопрос — конфликт с государством, т.е. с единоличным правителем в лице короля, царя, императора или коллективным правительством, представляющим интересы узких социальных групп, — это также основной посыл всех революций. Разногласия торгово-промышленных элит, т.е. капиталистического элемента, с землевладельцами, т.е. феодальной кастой, — это причина революций у Маркса, модернизированная термином «элита», но не меняющая от этого сути.

Таким образом, мы наблюдаем попытки систематизации и выделения типов революций, начиная с середины XIX в. и по сегодняшний день. Все эти попытки связаны со стремлением продвинуть дальше изучение теории революции, которая невозможна без подобных систематизаций. Однако все существующие системы типов революций не обладают единым классифицирующим определителем, или позволяют сильно размывать границы типов, или не включают все особенности прошедших революций и соответственно вызывают множество вопросов и критических замечаний. Несмотря на полуторавековой период систематизации, проблема типологизации революций остается нерешенной и требует дальнейшей разработки.

Индикатором современного состояния изучения теории революции и разработки типологизации, в частности, может служить оценка исследователями событий «бархатных» и «цветных революций».

В «цветных революциях» принято видеть массовый протест и смену власти в Сербии (2001), Грузии (2003), Украине (2004), Киргизии (2005), в этот ряд становятся и неудавшиеся попытки со схожим сценарием: Белоруссия (2006), Армения (2008), Россия (2012). Типологически к явлению «цветных революций» принадлежат и события так называемой «арабской весны». Наименование «арабская весна» получили события в странах Северной Африки и Ближнего Востока в период декабря 2010 — февраля 2011 г., где прошли массовые протестные выступления (в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии, Йемене, Бахрейне, Алжире, Иордании, Марокко и Омане), незначительные протестные акции в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане, Джибути и Западной Сахаре. В результате в трех странах произошла смена режимов: Тунисе, Египте и Ливии (в Ливии и Сирии протестные движения перешли в гражданскую войну).

Значительная группа исследователей характеризует термином «революция» события «цветных революций» на постсоветском пространстве [Мациевский, 2010, с. 21; Степаненко, 2005, с. 28, 29]. События «арабской весны» получили еще и название в литературе «волны революций» или «волны демократизации» [Исаев, Шишкина, 2012, с. 5]. У исследователей теории революции нет единого определения революции, но в любом случае за революцией признаются коренные изменения в обществе — в политической, экономической, социальной сфере [Clark, 1862, p. 5; Huntington, 1968, p. 264; Skocpol, 1979, p. 4]. Никаких коренных изменений «цветные революции» не принесли, они лишь произвели замену одной правящей группы (клана) на другую. К модным теориям, применяемым к событиям «цветных революций», относятся теории демократизации и демократического перехода, теория транзита [Мациевский, 2010, с. 23-24]. Но никакой дальнейшей демократизации в результате «цветных революций» не произошло, набор действий и мер всех постцветных режимов был примерно одинаков и направлен не на реальные изменения, а на

сохранение иллюзий перемен в обществе и поддержание рейтинга власти, популизм первых шагов быстро сменился политическими метаниями и возвратом к прежним состояниям. Современные события в арабских странах часто сравнивают с событиями середины XIX в., известными как «весна народов», и процессом распада социалистического блока в 1990-х гг. [Исаев, Шишкина, 2012б, с. 5]. Однако перечисленные исторические события имеют в своей основе принципиально различные причины, характер и, главное, последствия. Отталкиваясь от основных существующих определений революций, которым «арабская весна» никак не соответствует, некоторые ученые пытаются приписать событиям 2010-2011 гг. революционность за счет создания ими условий для возникновения новых моделей социально-экономического развития и социально-политических трансформаций [Бобохонов, 2012, с. 26; Васильев, 2012, с. 8; Гоним, 2012, с. 4; Исаев, Шишкина, 2012а, с. 7; Коротаев, Зинькина, 2012, с. 28; Filiu, 2011, p. 3; Tweets from Tahrir..., 2011]. Однако эти трансформации не произошли, а возможность или веру в эту возможность дает любая смена политика или партии у власти. На сегодняшний день склоняться к тому, что эти события не были революцией, начинают даже те, кто отстаивал их революционность, справедливо отмечая, что в обществах не были проведены коренные изменения, не изменился ни общественный строй, ни политический [Гоним, 2012, с. 8; Гусаров, 2012, с. 26-27; Ланда, 2012, с. 63].

Таким образом, события всех «цветных революций», к которым относятся и события «арабской весны», не были революциями, так как не изменили политический строй и социальную систему, не создали новых моделей социально-экономического развития и социально-политических трансформаций, не стали звеном в цепи демократизации. В результате всех «цветных революций» произошла смена власти одного политического (экономического, политико-экономического) клана на другой, полная или частичная смена политических элит. Однако и рассматривать смену власти в ходе этих событий как простой государственный переворот, что наблюдается у многих авторов [Комлева, 2013, с. 20; Почепцов, 2005, с. 10-11], неправомерно. Для государственных переворотов не требуется массовый протест. Перевороты осуществляются группой лиц, как правило, при поддержке силовых структур (армии, спецслужб), социальный протест может сопутствовать таким переворотам, они даже могут происходить на волне протестных выступлений, но последний все-таки не является необходимым элементом.

Изменения в результате социального протеста и политического переворота — вот критерий определения принадлежности этого процесса к революции, если меняется не состав правителей, а сама власть и ее принципы. В случае незавершенности революций в этих вопросах или ее отклонении (влево или вправо) происходят новые толчки — до тех пор, пока не завершится необходимый социальный и политический процесс. Так, в Англии после революции

1640-1660 гг. потребовалась «славная революция» 1688 г.; во Франции, чтобы исправить все последствия революции 1789-1799 гг., весь XIX в. и еще три революции: 1830, 1848-1849 и 1871 гг.; в России после длительной революции 1905-1922 гг. и почти 70 лет «модернизации» и консервации — революция 1991 г.

Революции 1989-1991 гг. в странах Восточной Европы, «цветные революции» и события «арабской весны», которые часто сравнивают [Комлева, 2013, с. 23; Мациевский, 2010, с. 21; Почепцов, 2005, с. 7, 8-10; Фисун, 2006, с. 211-212; Исаев, Шишкина, 2012б, с. 5], имеют принципиально различную природу. (Сам термин «бархатные революции», который имплицитно применяется на все похожие события после революции в Чехословакии в ноябре-декабре 1989 г. [Комлева, 2013, с. 23; Почепцов, 2005, с. 7, 9-10], не совсем корректен.) Революции конца 1980-х — начала 1990-х гг. в странах социалистического блока и СССР завершили трансформационные процессы революций в этих странах, которые в силу различных обстоятельств «ушли не туда» («забрали влево»). Эти революции изменили политическую систему, провели трансформации экономической системы, завершили изменения социальной структуры. События «цветных революций» и «арабской весны» ни в одной стране революциями не являлись.

Таким образом, отсутствие четких определений и подходов к систематизации (в частности, типологизации) революций, приводит к размыванию границ явления, невозможности единого понимания процессов, их типов и этапности, эта проблема остается определяющей в комплексном изучении революций и воспроизводится с исследованием каждой новой революции и событий, претендующих на этот социально-политический термин.

Библиографический список

1. Барг М. А., Черняк Е. Б. 1990. *Великие социальные революции XVII-XVIII веков*. М.: Наука.
2. Бобохонов Р. С. 2012. *Кризис авторитарных режимов в арабских странах и опыт демократических изменений в современном мусульманском мире // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы: материалы круглого стола*. М.: ЛИБРОКОМ.
3. *Большая советская энциклопедия*. 1955. 2-е изд. М.: Большая советская энциклопедия. Т. 36.
4. *Большая советская энциклопедия*. 1957. 2-е изд. М.: Большая советская энциклопедия. Т. 40.
5. Васильев А. М. 2012. *Восстание в арабском мире: посе́вы и всходы // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы: материалы круглого стола*. М.: ЛИБРОКОМ.
6. Гоним В. 2012. *Революция 2.0*. СПб.: Лениздат.
7. Грязнова О. С. 2007. *Те́да Скокпол: феномен революции в структуралистской перспективе // Человек. Сообщество. Управление*. № 4.

8. Гусаров В. И. 2012. *Важнейшие факторы «арабской весны»* // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы: материалы круглого стола. М.: ЛИБРОКОМ.
9. Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2012а. *Египетская смута XXI века*. М.: ЛИБРОКОМ.
10. Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2012б. *Сирия и Йемен: Неоконченные революции*. М.: ЛИБРОКОМ.
11. Комлева Н. А. 2013. *Арабская весна как технологический элемент структуры мирового господства* // Пространство и время. № 1.
12. Коротаяев А. В., Зинькина Ю. В. 2012. *Структурно-демографические факторы «арабской весны»* // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы: материалы круглого стола. М.: ЛИБРОКОМ.
13. Ланда Р. Г. 2012. *Политические волнения в арабском мире: видимость и суть* // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы: материалы круглого стола. М.: ЛИБРОКОМ.
14. Ленин В. И. 1969. *Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции* // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат. Т. 33.
15. Маркс К. 1957. *Буржуазия и контрреволюция* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат. Т. 6.
16. Маркс К. 1960. *Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного товарищества рабочих* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат. Т. 17.
17. Маркс К. 1961. *Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия»* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат. Т. 18.
18. Мациевский Ю. 2010. *Смена, транзит или цикл: динамика политического режима в Украине в 2004-2010 гг.* // Полис. № 5.
19. Михельс Р. 2000. *Демократическая аристократия и аристократическая демократия* // Социс. № 1.
20. Почепцов Г. 2005. *Гражданское самбо: как противостоять «цветным» революциям*. М.: Европа.
21. *Революции 1848-1849 гг.*: в 2 т. 1952. М.: Изд-во АН СССР. Т. 2.
22. Степаненко В. 2005. «Оранжевая революция» — природа событий и особенности национальной гражданской активности // Вестник общественного мнения. № 5 (80).
23. *Философская энциклопедия*: в 5 т. 1960. М.: Советская энциклопедия. Т. 1.
24. *Философская энциклопедия*: в 5 т. 1967. М.: Советская энциклопедия. Т. 4.
25. *Философский энциклопедический словарь*. 1983. М.: Советская энциклопедия.
26. Фисун А. А. 2006. *Политическая экономия «цветных» революций: неопатримониальная интерпретация* // Прогнозис. № 3.
27. Хантингтон С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс.
28. Хобсбаум Э. 1999. *Век империи. 1875-1914*. Ростов н/Д: Феникс.

29. Эйзенштадт Ш. 1999. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс.
30. Clark J. 1862. *The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862*. Philadelphia: William S. & Alfred Martien.
31. Filiu J.-P. 2011. *The Arab Revolution. Ten lessons from the democratic uprising*. Oxford University Press.
32. Foran J. 2005. *Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
33. Friedrich C. J. 1966. *An Introductory Note on Revolution // Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy*/ed. by C. J. Friedrich. New York: Atherton Press.
34. Hobsbawm E. J. 1986. *Revolution // Revolution in History*/ed. by Roy Porter and Mikuláš Teich. Cambridge: Cambridge University Press.
35. Huntington S. P. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.
36. Laue T. von. 1964. *Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution 1900-1930*. London: Weidenfeld & Nicolson.
37. Pettee G. 1966. *Revolution — Typology and Process // Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy*/ed. by C. J. Friedrich. New York: Atherton Press.
38. *Revolutions of the Late Twentieth Century*. 1991/ed. by A. Jack, Ted R. Gurr and Farrokh Moshiri. Westview Press.
39. Skocpol T. 1979. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press.
40. Tucker R. 1969. *The Marxian Revolutionnary Idea*. New York: Norton.
41. *Tweets from Tahrir. Egypt's revolution as it unfolded, in the words of the people who made it*. 2011/ed. by Nadia Idle and Alex Nunns. New York: OR Books.

Статья поступила в редакцию 01.11.2013.

.....

TYPOLOGY OF REVOLUTION: HISTORY OF CREATION AND MODERN STATE

E. E. Shults

Eduard E. Schultz, Nizhny Novgorod State University, doctoral student. E-mail: nuapl@yandex.ru.

Revolution typologization is an important problem from the point of view of further development of the theory of revolution, specifying their common features and regularities. The article studies of approaches and methods of classification of such social and political phenomenon as revolution from the point of view of identification of types of revolutions, since the first such attempts in the middle of the XIX century and till today. The author observes in details K. Marx's concepts and their development in Marxism of the XX century, ideas of types of revolutions of the first third of the XX century at R. Michels and G. Piety, approaches of social researchers of the second half of the XX century - S. Eisenstadt, S. Huntington, T. Skocpol, J. Goldstone. Despite numerous attempts to build a harmonic system of typologization criteria all the systems of revolution types induce many questions and critique. Among them being

the absence of a unified identifier, uncertainty in differentiation of the types specified, and ignoring some peculiar features of a revolution. The author does the analysis of a current state of a problem of a tipologization of revolutions, including, through a prism of the modern phenomena of so-called "velvet" and "color revolutions", for explaining of which the concept of democratization and its waves and democratic transit is applied. He also concludes that the last having no signs of revolutionary changes, which particularly do not result in socio-political transformation. This proves that the absence of precise rendering the revolution notion results in eroding the phenomenon boundaries.

Key words: Revolution, theory of revolution, classification of revolutions, typology of revolution.

References:

1. Barg M. A., Chernjak E. B. 1990. *Velikie social»nye revoljucii XVII-XVIII vekov (Great social revolutions of 17-18th centuries)*. M.: Nauka.
2. Bobohonov R. S. 2012. *Krizis avtoritarnyh rezhimov v arabskih stranah i opyt demokraticeskikh izmenenij v sovremennom musulmanskom mire, Protestnye dvizhenija v arabskih stranah: predposylki, osobennosti, perspektivy. Materialy konferencii «kruglogo stola» (Authoritative regimes' crises in Arabic countries and experience of democratic changes in contemporary Muslim world. Protest moves in Arabic countries: prerequisites, peculiar features and prospects. Minutes of round table conference)*. Moscow: LIBROKOM.
3. *Bolshaja Sovetskaja Enciklopedija (Great Soviet Encyclopedia)*, 1955. 2 ed. V. 36. Moscow.
4. *Bolshaja Sovetskaja Enciklopedija (Great Soviet Encyclopedia)*. 1957. V. 40. Moscow.
5. Clark J. 1862. *The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862*. Philadelphia: William S. & Alfred Martien.
6. Eisenstadt S. N. 1999. *Revoljucija i preobrazovanie obshhestv. Sravnitel»noe izuchenie civilizacij (Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations)*. Moscow, Aspect Press.
7. Filiu J-P. 2011. *The Arab Revolution. Ten lessons from the democratic uprising*. Oxford University Press.
8. *Filosofskaya enciklopediya v piati tomakh (Philosophy encyclopedia in five volumes)*, 1960. V. 1. Moscow.
9. *Filosofskaya enciklopediya v piati tomakh (Philosophy encyclopedia in five volumes)*, 1960. V. 4. Moscow.
10. *Filosofskiy enciklopedicheskiy slovar (Philosophy encyclopedic dictionary)*. 1983. Moscow.
11. Fisun A. A. 2006. *Politicheskaya ekonomiya "tsvetnykh" revoliutsiy: neopatrimonialnaya interpretatsiya (Political economics of "color" revolutions: neopatrimonial interpretation)*, Prognosis, № 3.
12. Foran J. 2005. *Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Friedrich C. J. 1966. *An Introductory Note on Revolution // Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy*/ed. by C. J. Friedrich. N. Y.: Atherton Press.
14. Gonim V. 2012. *Revoljucija 2.0 (Revolution 2.0)*. St. Petersburg, Lenizdat.

15. Gusarov V.I. 2012. *Vazhnejshie faktory "arabskoj vesny"*, Protestnye dvizhenija v arabskih stranah: predposylki, osobennosti, perspektivy. Materialy konferencii "kruglogo stola" (*The most important factors of The Arabic Spring, Protest moves in Arabic countries: prerequisites, peculiar features, prospects*), ed. By I.V. Sledzevsky, A.D. Savateev. Moscow, LIBROKOM.
16. Huntington S. 2004. *Politicheskij poriadok v meniayuschikhsia obschestvakh (Political Order in Changing Societies)*. Moscow, Progress.
17. Hobsbawm E. 1999. *Vek imperii (The age of empire). 1875-1914*, Rostov-on-Don: Phoenix.
18. Hobsbawm E. 1986. *Revolution, Revolution in History*/Ed. by Roy Porter and Mikuláš Teich. Cambridge University Press.
19. Huntington S. P. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.
20. Isaev L.M. Shishkina A.R. 2012a. *Egipetskaja smuta XXI veka (Egyptian strife of 21st century)*. Moscow: LIBROKOM.
21. Isaev L.M., Shishkina A.R. 2012b. *Siriya i Yemen: Neokonchennye revoliutsii (Syria and Yemen: unfinished revolutions)*. Moscow, LIBROKOM.
22. Johari J.C. 1987. *Contemporary Political Theory: New Dimensions, Basic Concepts and Major Trends*. Sterling Publishers Pvt. Ltd.
23. Komleva N.A. 2013. *Arabskaja vesna kak tekhnologicheskij element struktury mirovogo gospodstva, Prostranstvo i vremia (Arabic spring as a technological element of the structure of world dominancy, Space and time)*, № 1.
24. Korotaev A.V., Zinkina Yu.V. 2012. *Strukturno-demograficheskie faktory "arabskoj vesny"*, Protestnye dvizhenija v arabskikh stranakh: predposylki, osobennosti, perspektivy. Materialy konferentsii "kruglogo stola" (*Structural-demographic factors of the Arabic spring, Protest moves in Arabic countries: prerequisites, peculiar features, prospects. Minutes of "round table" conference*), Moscow, LIBROKOM.
25. Landa R.G. 2012. *Politicheskie volnenija v arabskom mire: vidimost i sut*, Protestnye dvizhenija v arabskih stranah: predposylki, osobennosti, perspektivy. Materialy konferencii "kruglogo stola" (*Political unrest in Arabic world: illusion and essence, Protest moves in Arabic countries: prerequisites, peculiar features, prospects. Minutes of "round table" conference*), Moscow, LIBROKOM.
26. Laue T., von. 1964. *Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution 1900-1930*. London: Weidenfeld & Nicolson.
27. Lenin V.I. 1974. *State and Revolution. The Marxist Theory of the State and the Task of the Proletariat in the Revolution*, Lenin V.I. Collected Works. 4-th ed. Vol. 25. Moscow, Progress Publishers.
28. Maciewski Ju. 2010. *Smena, tranzit ili tsikl: dinamika politicheskogo rezhima v Ukraine v 2004-2010 gg. (Change, transit or cycle: the dynamics of political regime in Ukraine of 2004-2010)*, Polis, № 5.
29. Marx K. 1957. *Burzhuazija i kontrrevoljucija (Bourgeoisie and counterrevolution)*, Marx K., Engels F. Works, ed. 2. V. 6. Moscow: Politizdat.
30. Marx K. 1960. *Grazhdanskaya vojna vo Francii. Vozzvanie generalnogo Soveta Mezhdunarodnogo Tovarischestva rabochikh (Civil war in France. The appeal by General*

- Council of International comradeship of workers*), Marx K., Engels F., Works, ed. 2. V. 17. Moscow: Politizdat.
31. Marx K. 1961. *Konspekt knigi Bakunina "Gosudarstvennost i anarkhiya" ("Stateness and Anarchy" by Bakounine. The synopsis)*, Marx K., Engels F. Works, ed. 2. V. 18. Moscow: Politizdat.
  32. Michels R. 2000. *Demokraticeskaja aristokratija i aristokraticeskaja demokratija (Democratic aristocracy and aristocratic democracy)*, Socis, № 1.
  33. Pettee G. 1966. *Revolution — Typology and Process, Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy* /Ed. by C. J. Friedrich. N. Y.: Atherton Press.
  34. Pocheptzov G. 2005. *Grazhdanskoe sambo: kak protivostoyat «tsvetnym» revoliutsiyam (Civil art of self-defense: How to resist "color" revolutions)*. Moscow: Evropa.
  35. *Revoliutsii 1848-1849 (Revolutions of 1848-1849)*. 1952. V 2, ed. By Potemkin F.V., Molok A. I. v. 2. Moscow: USSR Acad. Sci.
  36. *Revolutions of the Late Twentieth Century*. 1991./Ed. by Goldstone, Jack A., Ted Robert Gurr, and Farrokh Moshiri. Westview Press.
  37. Skocpol T. 1979. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge University Press.
  38. Stepanenko V. 2005. *"Oranzhevaya revoljutsiya" — priroda sobytij i osobennosti natsionalnoy grazhdanskoy aktivnosti, Vestnik obschestvennogo mneniya ("The orange revolution", the nature of the events and peculiarities of national civil activity, Bulletin of public opinion)*, No. 5 (80), p. 25-38.
  39. Tucker R. 1969. *The Marxian Revolutionnary Idea*. N. Y.: Norton.
  40. *Tweets from Tahrir. Egypt's revolution as it unfolded, in the words of the people who made it*. 2011./Ed.by Nadia Idle and Alex Nunns. N. Y.
  41. Vasilyev A. M. 2012. *Vosstanie v arabskom mire: posevy i vshody, Protestnye dvizhenija v arabskih stranah: predposylki, osobennosti, perspektivy. Materialy konferenci i "kruglogo stola" (Arabic world riot: seedings and sprouts. Political unrest in Arabic world: illusion and essence Protest moves in Arabic countries: prerequisites, peculiar features, prospects. Minutes of "round table" conference)*, Moscow, LIBROKOM.